

The image is a book cover featuring a close-up of a young man and woman. The man, on the left, has short, light-colored hair and is looking down with a serious expression. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is looking slightly to the side with a somber expression. They are both wearing dark clothing. The background is dark and indistinct, possibly an interior setting with some vertical lines.

Наташа Эвс

Записки
ИЗ
БУНКЕРА

НАМ УЖЕ НЕ БОЛЬНО

Наташа Эвс

Записки из бункера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56100670

SelfPub; 2024

Аннотация

Выпускники детского дома Дмитрий Рыжов и Елизавета Белова получают приглашение на работу вахтовым методом. Ребята радостно собираются, наконец-то их ждёт взрослая жизнь, когда они смогут воплотить в реальность свои сиротские мечты. Собеседование пройдено, вещи собраны. И автомобиль увозит доверчивых детдомовцев далеко за город.

Дима и Лиза попадают к людям, которые преследуют благие намерения. Это группа единомышленников, выбравшая особое благо. Но спустя несколько часов ребята понимают, что попали в страшное место, где работают люди с нулевой эмпатией и откуда живым еще никто не выходил.

«Меньше вопросов – меньше синяков. Сговорчивым тут больше везет. Запомните: вести себя тихо – это половина успеха на выживание».

Для обложки использованы изображения, сгенерированные нейросетью Kandinsky 2.0

Содержание

Пролог	4
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	20
Глава четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наташа Эвс

Записки из бункера

Пролог

Привет. Если вы читаете это, значит, мы уже дома. И нам уже не больно.

Да. Именно так я начинал в своих записках, надеясь, что скоро нас найдут. Но такого поворота я точно не ожидал. И как странно обернулись для нас мои же слова...

Да, мы дома. И нам не больно. Но послушайте, всему есть объяснение. А есть ли объяснение тому, что мы пережили? Расскажу все по порядку, а вы сами решите.

Глава первая

Мы детдомовские дети, я – Дмитрий и моя однокашница Елизавета. Мы прицепились друг к другу лет с шести, если не раньше. Прицепились – в хорошем смысле, потому что я всегда хотел иметь сестру, а Лиза – брата. И вот как-то так сложилось, мы встретили друг друга.

В нашем детском доме жили разные дети: брошенки – это когда родители сами отказались, лишенники – когда опека забрала у семьи, и сироты – когда нет ни мамы, ни папы в живых. Вот мы с Лизой из последней категории.

Было тоскливо, когда к кому-нибудь из наших приезжала мама, которой дали время на исправление. Мы смотрели, как мама обнимала, целовала и вытаскивала из сумки сладости, поглаживая по голове свое чадо. Конечно, мы не напрямую стояли и смотрели, мы подглядывали с разных сторон, желая хотя бы визуально украсть кусочек этого счастья, которое нам с Лизаветой понять уже было сложно.

Мы были друг у друга как будто всегда. Как кровные, как близнецы, как «сиамские», если хотите. И да, мы не ангелы, ссорились между собой, обижались. Но мы никогда не меняли друг друга на кого-то из группы.

Лиза та еще пацанка, мне сложно определить степень ее привлекательности, потому что для меня она сестра. Худенькая сероглазая блондинка, в обиду себя не даст, отвергает

все девчачье, считая это уделом слабости. Но волосы отрасли длинные – как девчонка! Меня она часто называла «Митяй» и трепала мои светлые волосы, такие же цветом, как у нее. Да, мы, наверное, похожи. Ну, как обычная родня. Только Лиза, как она выражалась, разговаривала с моим пупком, потому что я выше этой пацанки в два раза.

По законам жанра выпускники детского дома в свое восемнадцатилетие получают большой пинок в большую жизнь. Государство выделяет жилплощадь, и вперед, брат, живи и радуйся. Но это в идеале. А нам, как известно, до идеалов далеко.

В общем, вышли мы с Лизой в большую жизнь, только оперившись и имея за спинами среднее специальное образование – штукатур-маляр. Вместо жилья мы получили небольшие денежные конвертики на жили-были. Это ведь почти равносильная радость, правда? Так посчитали за нас. Ну да ладно, нам не привыкать, лобстеров на обед не кушали.

Вместе с нами вышли еще Аленка, Рая и Славик, наши друзья по детскому дому. И вот – здравствуй, взрослая жизнь! Как часто мы кричали в сердцах и просто мечтали, что наступит тот день, когда мы выйдем из этой детской тюрьмы и заживем по-своему. Вышли. А жить по-своему почему-то не получается. Жилья нет, работы нет, что делать – не знаем. Где-то я читал, что так же выходят из мест не столь отдаленных после длительной отсидки и тоже не знают как жить. Дезориентация какая-то.

Промучившись некоторое время, мы с ребятами решили снять жилье. Жилье это громко сказано, просто большую комнату в коммуналке. Заплатили за месяц и стали жить «по-своему».

Вначале было даже интересно, как взрослые люди живем сами. Иногда Славик приносил алкоголь, и тогда было весело. Но деньги имеют обыкновение кончаться. И наши общие запасы заметно опустели. Нужно было искать работу, что мы и затеяли. По вечерам на столе вырастала куча отрывных объявлений и исчерканных ручкой газет. Нам катастрофически не везло, ответы были отрицательными. Причины разные: уже взяли, без опыта не берем, возраст мал, лицом не вышли. Уж не знаю, зачем в нашей профессии важно выйти лицом, но тем не менее так и было. Не помню, кто из нас предложил самим расклеить объявления о поиске работы, но мы с Лизкой за это зацепились.

За сутки прилежных стараний половина города была взята на ура. Мы даже воспряли духом, очень хотелось устроиться на работу. Но шли дни, а мы по-прежнему оставались в стадии ожидания. Ребята, порой, перебивались разовыми выплатами за труд, потому что гулять они любили на широкую ногу, и деньги у них всегда были на исходе. Мы с Лизой алкоголь не пили, деньги экономили, но и наши кошельки пустели.

- Хорошо, хоть телефоны успели купить, – заметила Лиза.
- А толку с них, – печально отозвался я. – Молчат. Что за

телефоны, которые молчат...

В этот момент мобильный Елизаветы зазвонил. Мы замерли, но я тут же ткнул свою напарницу в бок.

– Слушаю, – ответила Лиза. – Да, здравствуйте... Да...
Еще нет...

После нескольких секунд глаза моей детдомовской сестры стали так раскрываться, что я даже подумал, не больно ли ей.

– Да, записываю. – Лиза лихорадочно схватила ручку и что-то бегло записала на обрывке оторванного объявления. Отключив звонок, она с победной радостью посмотрела на меня. – Митька! Нас пригласили на собеседование!

Я чуть не поперхнулся собственной слюной.

– На собеседование? А куда?

Тупой вопрос, какая разница – куда. Я побегу.

– Вот адрес, – Лиза ткнула в клочок с объявлением. –
Завтра в девять утра. Нужны штукатуры-маляры, можно без опыта. Это шанс!

Всю ночь я смотрел в потолок, проходя собеседование в своей голове. Действительно, шанс. Неужели скоро мы сможем зажить нормальной жизнью. Будем зарабатывать деньги, одеваться, покупать из еды то, что хотим, а не то, на что хватило. Сеструха выйдет замуж, родятся дети, а я буду крестным. Может, и я женюсь, кто знает. Пока нам нужно встать на ноги.

Утром около девяти мы топтались у дверей назначенного адреса. Было еще закрыто. Но ровно в девять к нам вы-

шел крепкий мужчина в черном пиджаке и позвал нас кивком головы. Мы поднялись по лестнице и вошли в кабинет, где за столом сидел наш работодатель – почти лысый мужчина за пятьдесят. Он предложил присесть и попросил паспорт. Внимательно изучив наши документы, Николай, как он представился, начал задавать вопросы. Тема была о нашей жизни в детском доме, есть ли родители, с кем поддерживаем связь. Мы рассказали, что жить нам негде, и предпочтительно работа с проживанием, как мы указали в объявлении. О самой работе заговорили в конце. Николай объяснил, что у них вахтовый метод с выездом за город. Там строятся складские помещения под городские проекты, и эти постройки они сдают «под ключ». Сейчас объекты в стадии отделки, требуются штукатурные работы. Но мало кто хочет выезжать на вахту долгосрочного проекта, поэтому они ищут рабочих, способных на такие выезды. Проживание, питание за счет фирмы, оплата раз в две недели налом либо на карту, трудовой договор прилагается. Нас все устраивало, работодателя тоже, и наш выезд наметился на следующий день в восемь утра.

Вышли мы с Лизкой счастливые и окрыленные перспективами будущей жизни. Даже обнялись от радости. Собирать нам было нечего, мы прикупили на последние деньги теплых вещей для работы в холодных помещениях, что-то там по мелочи и приготовились ждать утра. Нашим ребятам не очень понравилась затея с вахтой, они поморщили носы, поржали

над нами, представляя, как мы приезжаем оттуда как «робинзоны Крузы», на этом и закончили.

Я волновался всю ночь. Когда город гасит свет и стихает – все обостряется, а мысли похожи на растущий микроб. Вроде бы чего мне переживать, я на шаг ближе к мечте – жить как все люди. В детском доме к социуму не приучен, выходишь словно дикий по современным меркам, дикий и смешной на вид. Ты другой. И я всегда хотел стать нормальным человеком, не отличаться от тех, кто ходит по тротуарам или сидит в кафе. Какая ерунда, скажете вы. И будете правы. Это сущая ерунда для мира. Чтобы хотеть этого нужно прожить в моей шкуре с самого рождения или в шкуре любого другого детдомовца.

Утром мы стояли у назначенного места. За нами приехал невзрачный на вид серебристый минивэн с лопнувшим бампером и легким для памяти номером шестьсот шесть. Мы загрузились и тронулись в путь. В новую жизнь. Вперед к мечте!

Хоть бы кто-нибудь шепнул мне в то утро: немедленно развернись и беги оттуда.

Глава вторая

Наш автомобиль летел по трассе, будто не касался колесами дороги. В салоне негромко звучала веселая музыка. Лиза дергала плечами в такт и смотрела за окно, хотя картина там была уже полчаса одна: желтеющая осенняя степь, голая и безжизненная. Напротив меня сидел парень, он как-то сконфуженно зажался, глядя в пол. По виду бедняга страдал синдромом Дауна.

– Ты тоже на работу? – спросил я.

Парень засуетился, заволновался, отрицательно мотая головой. За него ответил человек, который нас сопровождал, развернувшись к нам с переднего кресла и свесив локоть:

– Нет, это мой младший брат. За ним сегодня некому смотреть, поэтому он со мной.

При этих словах странный парень украдкой глянул на меня и еще больше зажался, низко опустив голову.

Дорога была долгой и даже утомительной. Я не ожидал, что место работы находится на таком расстоянии. Как по ходу поездки узнал, это около трехсот километров от города.

Лиза дремала, прижав голову к моему плечу, а я смотрел в окно. Уже долгое время пейзаж не менялся: степь бесконечная и тоскливая. Под монотонный гул я и сам стал отключаться, но тут машина сбавила ход и свернула на проселок. Еще какое-то время пришлось трястись по бездорожью,

и наконец вдалеке появились низкие сооружения.

Когда мы подъехали, сосед напротив занервничал, начал стряхивать с колен невидимый мусор и отрицательно качать головой. Сойдя на землю, я стал разминать затекшие ноги и оглядывать окрестность. Пока водитель вытаскивал какие-то тюки и бидоны из багажника, к нам навстречу вышли несколько человек и взялись переносить все это в одноэтажное здание. Я вынул рюкзак Лизы, и мы направились за ними. Сопровождающий нас ткнул в спину поникшего брата, указывая ему последовать со всеми, но тот почему-то отрицательно махал головой и продолжал стряхивать с себя невидимое. В конце концов все потянулись к открытому входу здания, и мы попали внутрь.

Через проходную нас повели вглубь по коридору и оставили в кабинете. Пришлось ждать, потому что все были заняты прибывшими с нашей машиной бидонами и тюками. Через открытую дверь кабинета я видел, как люди сновали по коридору, перетаскивая вещи, и вообще в помещении стоял шум. Нам эти действия были непонятны, мы просто ждали, когда кто-то нужный обратит на нас внимание.

Склонив голову на рюкзак, который я оставил на столе, Лиза копалась в телефоне.

– Плохо ловит, – заметила она.

Я пожал плечом:

– Мы далеко от дома, наверное, связь разрывается.

Наконец в кабинет вошел сопровождавший нас мужчина

и махнул рукой. Мы снова куда-то пошли, плутая по коридорам. Оставив нас в другом кабинете, мужчина сказал ждать и удалился.

Я посмотрел на Лизу и спросил:

– Устала?

– Угу, – отозвалась она. – Скорее бы нам показали наши комнаты, может, поесть что-нибудь дадут.

В этот момент в кабинет вошел человек, мужчина лет шестидесяти, худой и бледный. Он сел напротив нас за стол и улыбнулся:

– Здравствуйте. Наконец-то до вас добрались, пока товар разобрали. Вы устали с дороги?

Лиза кивнула:

– Покушать хочется.

– О, конечно! – спохватился мужчина. – Сейчас все оформим и сразу решим вопрос с едой. Мне нужны ваши паспорта и документы, которые с вами, я сделаю копии для договоров, чтобы сразу все оформить. – Мужчина вынул носовой платок и промокнул им лоб. – И займемся вашим расположением.

Мы отдали документы и снова стали ждать. Сейчас вспоминаю это и думаю, почему тогда мое сердце ни разу не екнуло? Можно было свалить по-тихому, пусть нас ожидала бесконечная степь, это так микроскопически неважно по сравнению с тем, что нам предстояло в этих стенах. А я, дурак, сидел и пытался заплести длинные волосы Лизы.

Прошло время, и дверь в кабинет распахнулась. Мы вздрогнули, увидев человека, который забрал наши паспорта, а с ним двоих здоровых качков.

– Сейчас вы встаете и идете, куда вас поведут, – спокойно сказал бледный мужчина. – Без лишних вопросов.

Мы с Лизой переглянулись. Трое ждали, пришлось подняться и последовать за ними.

Мы шли молча. Какое-то нагнетающее чувство тревоги я тогда испытал первый раз. Поймав тонкую руку Лизы, я крепко сжал ее, заметив, что моя сестра идет, нахмурившись и втянув голову в плечи. Она всегда так делала в детском доме, когда ее наказывали.

Нас вели и вели, и мне казалось, эта дорога была вечностью. Как же я ошибался тогда. Вечность наступила чуть позже.

Мы много спускались по лестницам, и я понял, что нас ведут в помещения под землей, потому что на поверхности было от силы три совсем неприметных одноэтажных здания.

Когда мы добрались до места, к нам вышел человек в белом халате, он бегло осмотрел нас, взял кровь и направил в отсек за стеной. Там располагался душ, нам приказали помыться и надеть чистую одежду, которую выдали.

Душевая была сплошной комнатой, без дверей, без перегородок, ржавая и грязная. Увидев это, Лиза долго смотрела на меня, и я бы многое отдал, чтобы такой взгляд больше не видеть никогда.

На нас прикрикнули, и мы начали раздеваться. Вода была холодной, пол скользким, а запах мерзким. Лиза мылась и плакала. Я не смотрел на нее, мне было стыдно. Зато в проеме дверей на нас смотрели двое, надменно и безразлично. Они ждали нас, чтобы вести дальше. Они были на работе.

После душа нас повели еще ниже. Лизу колотило, и я накрыл ее плечи своими руками, чтобы хоть чуточку согреть. Хотя новая одежда была похожа на больничную пижаму с длинным рукавом, было холодно еще от душа. И вообще, было просто холодно. В моей душе.

Нас завели в новую комнату, похожую на тюремную камеру из фильмов. Окон в стенах не было, конечно, мы на несколько метров ниже земли. Освещение давали тусклые лампочки, торчащие то тут, то там.

Вдруг замок щелкнул, и железная дверь отворилась, впуская знакомого человека, который забрал наши паспорта. Он встал перед нами, вынул платок и протер свой лоб.

– Когда нам отдадут документы? – спросил я, предугадывая ответ. Но что-то же нужно было сказать, а не вести себя, словно безмолвные овцы, головы которых опускают на бревно для рубки мяса, а они безропотно терпят. – Наши паспорта, вещи, – уточнил я.

– Забудьте, – отрезал мужчина. – Меньше вопросов – меньше синяков. Сговорчивым тут больше везет. Так, запомните: вести себя тихо – это половина успеха на выживание. Меня зовут дядя Веня, пока побудьте здесь, подождем

экспресс анализ, – отчеканил бледный мужчина и вышел за дверь.

После долгого молчания Лиза спросила:

– Мить, нас убьют, да?

– Дуреха, кому мы нужны, – ответил я, стараясь быть убедительным, и погладил ее по голове. Почему-то в этот миг вспомнилось наше детство, как нас обижали, а мы защищали друг друга. Сейчас я был согласен на самое тяжелое наказание в детском доме, только чтобы выйти отсюда и никогда не видеть этих стен и лиц. Я чувствовал, что мы попали в плохую историю, вряд ли нас привезли штукатурить.

Когда дверь снова открылась, вошли двое качков и опять повели нас куда-то. Мы пришли в ту зону, где у нас брали кровь и заставляли мыться, только теперь завели в два разных кабинета. Меня осматривали люди в белых халатах и масках, говоря что-то про карантин. Такое ощущение, что я попал на полный медосмотр, залезли везде, куда можно, взяли мазки, дополнительно кровь с вены, соскобы с кожи, слюну, проверили зрение, измерили вдоль и поперек. Я молчал. Что можно сделать против этих людей? Я ничего не знал о месте, куда мы приехали, об их планах, что они делают с нами, зачем? Почему нас обманули? Разве это прием на работу? Хотя я вырос в детском доме, все же не тупой. Я слышал, как меня называли «слабый тип А» и «астеник», обращаясь со мной как кухарка с тушкой утки на разделочном столе. Я начал переживать за Елизавету, она ведь девочка, как там с

ней обращаются.

Когда со мной закончили, я с конвоиром вышел за дверь, где остался ждать. Прошло довольно много времени, после которого из соседнего кабинета вывели Лизу. Всклипнув, она кинулась ко мне и спрятала лицо в моей больничной пижаме. Я пытался оторвать сестренку от себя, но так и не смог. В голове начало расти подозрение, что ей что-то сделали, и от этих мыслей мне стало противно, я представил, что будь в моей руке сейчас пистолет, без сожаления расстрелял бы всех, даже мускул бы не дрогнул.

Мы еще постояли так, пока из кабинета не вышел человек в белом халате, он отдал конвоирам две папки и велел вести нас в корпус «К». По дороге я пытался заглянуть в опущенное лицо Лизы, но она не хотела, чтобы я ее видел. Опустив подбородок на грудь, сестра крепко держала меня за руку и устало плелась следом.

Я уже потерял счет подземным этажам, нас водили из одного корпуса в другой, и в этот раз мы шли в новое место. Все коридоры имели один болотно-землистый цвет, редкие лампочки давали мало света, стены и решетки были выкрашены в темно-зеленый, потолки, когда-то побеленные, выглядели как потертая ржавчина. Места удручающие. Для чего это все, кто эти люди, зачем они собирают у нас анализы? Я не мог приложить ума к своим вопросам, но понимал, что так просто нас отсюда не выпустят.

Вдруг раздался пронзительный крик. Мы с Лизой вздрог-

нули и вскинули головы, только наша охрана была невозмутима. Нас завели в длинный коридор, по сторонам которого размещались комнаты за решетками, как камеры в тюрьмах. Проходя мимо одной, я увидел худого изможденного мужчину, который апатично смотрел на нас, сидя на кровати. В следующей комнате была грязная лохматая женщина, она стояла у решеток, держась руками за прутья, и улыбалась, обнажая гнилые зубы. Из соседнего помещения снова раздался душераздирающий крик, там, привязанный за руки и ноги к железной кровати, извивался человек. Наш охранник стукнул дубинкой по его решеткам, и бедняга затих.

Мы завернули за угол, прошли еще метров двести и остановились перед такими же камерами с решетками. Когда меня втолкнули в одну из них, я заволновался: почему только меня, но Лизу завели в соседнюю. Проводив охрану взглядом, я подбежал к решеткам, разделяющим наши камеры, и сжал протянутые руки Лизы.

– Они обижали тебя? – спросил я, видя испуг в глазах сестры.

Она помотала головой, словно пряча боль глубоко в себе, и шепнула:

– Чего они хотят от нас? Куда мы попали, Митя?

– Если бы я знал... Мы что-нибудь придумаем, обязательно.

– Обещаешь?

– Обещаю. Только не хандрить, договорились?

– Да. Только не хандрить.

Глава третья

Мы просидели сутки в корпусе «К». Наконец послышался шум и грохот посуды – нам везли еду. Из-за угла показалась тележка с кастрюлями, которую вез человек в поварском фартуке, а рядом с ним шел еще один, в котором я узнал того странного парня, что ехал с нами на минивэне. Он всю дорогу сидел, опустив голову, а потом стал скидывать что-то невидимое с одежды. Сопровождавший нас сказал, что это его брат.

Тележка остановилась у наших дверей.

– Кормушки открой, – скомандовал человек в фартуке, но странный парень вытращился на нас и застыл. – Иван! – рявкнул повар.

Иван вздрогнул и оглянулся на него. Человек в фартуке повторил на языке жестов свое указание и начал выкладывать в алюминиевые чашки что-то из кастрюль. Затем он отдал все это Ивану, а тот поставил еду в открытые окошки в дверях. Закончив, повар покатил тележку обратно, оглядываясь на своего помощника, который закрыл наши кормушки на засовы и побрел за ним.

– Помнишь его? – спросил я, подсаживаясь с чашкой еды к разделяющей решетке.

Лиза пожала плечами, уплетая гречку.

– Кто он?

– Он ехал с нами с города сюда. Хотя ты полдороги смотрела в окно, а потом спала, можешь и не помнить.

– Есть хочется, – сказала Лиза, жадно отправляя полную ложку гречки в рот.

– Ешь, конечно.

Я задумался, размышляя, что в этих стенах делает такой особенный человек. Пока было понятно, что люди здесь разделяются на медиков и охрану, и еще есть какие-то руководящие. Деятельность здесь, скорее, противозаконная, судя по тому, что нас привезли сюда обманным путем, под видом работодателей, и все эти анализы, крепкая охрана и тюремные помещения спрятаны глубоко под землей не просто так.

– Как холодно. – Лиза поежилась, обхватив колени руками. – Сколько мы тут уже сидим...

Вдруг в конце коридора показался человек, он несмело подкрался к нашим камерам и остановился поодаль. Я узнал в нем странного Ивана. Парень встал, словно вкопанный, глядя на нас так, как маленький ребенок в зоопарке смотрит на огромную гориллу.

– Что ему надо? – спросила Лиза, подвинувшись к решетке между нами.

– Не знаю еще. – Я внимательно оглядел стоящего по ту сторону. – О нем я тебе и говорил.

Какое-то время мы молчали, но Лиза не выдержала:

– Вы за тарелками пришли?

Иван не реагировал, продолжая смотреть на нас пустым и

задумчивым взглядом.

– Кажется, он не говорит, – вполголоса предположил я. – Повар с ним жестами общался.

– Мить, ты же знаешь этот язык, – Лиза посмотрела на меня, – поговори с ним.

– «Тебя зовут Иван?» – спросил я.

Парень оживился и кивнул.

– «Что ты делаешь в этом месте?»

– «Делаю, что скажут», – ответил Иван.

– «Зачем нас сюда привезли, знаешь?»

Парень хотел было ответить, но тут с другого конца коридора слышались шаги.

– Кто его сюда пустил? – возмущился голос.

На свет лампочки вышли люди во главе с дядей Веней, Ивана грубо увели, а остальные вошли в наши камеры одновременно. Не обращая на нас внимания, медики открыли папки, и один из них сказал:

– Елизавета – штамм, группа 1(0), Дмитрий – анти-штамм, группа А(II).

– Ну, и что будем решать? – спросил дядя Веня.

– Елизавета подойдет. С анти-штаммом можно работать по третьему протоколу, – отозвался медик.

– Отлично, – дядя Веня потер руки, – завтра же начинайте.

Мы просидели у разделяющей решетки почти всю ночь.

Под утро сон свалил нас, и мы очнулись, продолжая держаться за руки, будто предчувствовали скорую разлуку.

В коридоре раздались шаги, и мое сердце почему-то резко сжалось, словно мне дали кулаком под дых. К нашим дверям подошли два медика и охрана, половина людей вошли в камеру Лизы, и медик противным голосом объявил, что ей нужно пройти с ними. Мы оставались сидеть по обе стороны решетки, держась за руки сквозь прутья, делая вид, что не слышим. Как лабораторная крыса застывает в дальнем углу клетки, когда за ней приходят. Человек в белом халате указал охране на нас, и те двинулись к Лизавете. Ее начали отдира́ть от меня, как примерзший язык от железа, и видеть это было невыносимо. Молчаливая возня продолжалась минуты две, затем Лиза сдалась. Она отошла от решетки и посмотрела на меня тем своим тяжелым взглядом, который я не раз видел в детском доме. Она словно укоряла: «Зачем ты отдаешь им меня?» Мои челюсти сжались от беспомощности, я бы никогда никому не отдал свою мелкую сестру, но в данной ситуации я был заперт в клетке. Буквально заперт в клетке.

Врач махнул рукой, и охрана распахнула двери. Лиза отвела от меня свой каменный взгляд, втянула голову в плечи и, нахмурившись, направилась к выходу.

Меня тоже вывели из заключения и поместили в другую камеру корпуса «А». Там последовали новые сборы анализов, затем мне сделали укол, после которого я потерял созна-

ние. Меня приводили в чувства и делали новые инъекции, врачи фиксировали все мои состояния, записывая историю в папки. Я вообще не мог понять, что происходит, меня рвало, ломало и выворачивало так, что если бы мне тогда предложили смерть, я бы, не задумываясь, согласился.

Через время, результаты моих анализов заставили врачей остановиться и дать мне перерыв. Когда я пришел в себя, вспомнил о Лизе и тут же пожелал, чтобы на ее долю не выпали такие испытания, потому что это трудно вынести. Помню, лежал тогда на грязном полу, мучаясь от тошноты, и пытался понять, за что нам все это, как нас угораздило вляпаться в такую страшную историю.

Спустя какое-то время, за стеной появился странный Иван, он снова ходил с раздачей еды. Улучив момент, я спросил его о Лизе. Ваня сказал, что видел ее в другом корпусе. И еще он сказал, что на Лизу там кричат. Я понимал, почему такое может быть, ведь я знал свою сестру с детства, она упертая. Видимо, Лиза показывала характер. Боже, как я по ней скучал.

Однажды я склонился над чашкой еды, в которую вдруг упал пучок волос. Я даже не сразу понял, что это мои волосы, пока не потрогал макушку. И когда еще один пучок волос остался в руке – понял, что лысею. Я сказал об этом врачу, который заходил ко мне каждый день, но тот отмахнулся, буркнув, что вырастут новые.

Такое бывает от гормонального нарушения или после хи-

миотерапии, я читал об этом в книгах. В детском доме меня часто наказывали, а моя воспитательница, жалея меня, отправляла отбывать наказание либо в ее кабинете, либо в библиотеке. Я оказывался в книжной вселенной, где с жадностью погружался во все источники информации, что попадались под руку, в виде художественной и научной литературы. Так вот, из медицинских учебников я узнал то состояние, в котором пребывал сейчас. Но зачем эти люди делают с нами такие вещи? Что за цель они преследуют? Хотели бы убить, уже убили бы.

Мой счет времени сбился. Трудно было сказать, сколько я нахожусь в камере. Когда делали уколы, я терял сознание, может, проходили дни, кто знает.

Как же вырваться из этого ада? Нас никто не ищет, мы ведь уехали на заработки, без адреса, без определения. Ловко придумано заманить нас, сирот, под видом вахты на долгий срок. Мы просто исчезли, нас нет. Поэтому работодатель Николай так тщательно расспрашивал о нашей жизни, о родителях, о друзьях. Будут ли нас искать в случае исчезновения. Страховался. Но искать нас действительно некому. Я бы искал Лизу, а она искала бы меня, но мы оба здесь, вот и все. Наши вещи с сотовыми телефонами забрали, отрезали от мира.

Есть ли у нас выход? Где-то читал, что выхода всегда как минимум два, в нашем случае это бежать или остаться. Выбираю первый, пока еще есть силы.

В какой-то из дней меня вывели из камеры, и я пошел «гулять» в другой корпус. Длинные тусклые коридоры с ржавыми потолками и темно-зелеными стенами были моей свободой. В каком-то корпусе кричали люди, через решетки мелькали разные лица, в основном изможденные с безразличным взглядом, всюду стоял запах плесени и мочи. Моя прогулка закончилась в кабинетах, похожих на диагностические. Меня снова всего измерили, засунули шланг через рот в желудок, больно там что-то отщипнули, затем я разделся и лег на стол в позе эмбриона, как оказалось, для пункции из спинного мозга. Я терпел боль, вынашивая мысль о побеге, мне нужно было что-то придумать и забрать сестру из этого адского места. Когда меня посадили на стул и натянули тугую шапку с проводами на голову, я потерял последние волосы. По проводам что-то пустили, и у меня начались судороги, от которых мои ноги стали бить по шкафу, и от этого со стены упало зеркало. Стекла разлетелись вдребезги на кафельном полу. Охранник стукнул меня по лицу, но это заметил вошедший дядя Веня, который погрозил ему пальцем со словами:

– Еще раз увижу – накажу. Не смей портить материал.

– Ваш астеник с плохой генетикой, – сказал врач, который снимал показания с шапки с проводами. – Слабый, не знаю, на что он годен.

– По протоколу все закончили? – спросил дядя Веня.

– Еще нет, – ответил медик и бегло пролистал мою папку.

– Вот и занимайтесь прямыми обязанностями, – отрезал дядя Веня и вышел за дверь.

Мне кинули пижаму, которую я по слабости не удержал, и она упала на пол прямо возле разбитого зеркала. Поднимая вещи, я незаметно прихватил осколок и завернул его под рукав.

Меня снова повели в камеру. По дороге через открытую дверь одного из медицинских кабинетов я вдруг увидел Лизу, она сидела на стуле, пока ей снимали датчики с рук. Заметив меня, Лиза вырвалась и кинулась в открытую дверь, а я ей навстречу. Тонкие руки сестры вцепились в меня мертвой хваткой, мы так крепко обнялись, будто хотели смешаться друг с другом, как два разных цвета на палитре. Конечно, охрана среагировала быстро, и нас буквально разодрали в разные стороны. Лиза повиновалась и, нахмутив брови, побрела в кабинет. Воспитанные в детском доме, мы не умели истерить, просто либо пытались нарушить правила, либо молча выносили наказание.

Меня привели в камеру и оставили одного. Я спрятал осколок за ножкой кровати и упал на пол: очень болела спина в районе пункции, и вообще было муторно. Через время я почувствовал, что меня трясут, и открыл глаза. Передо мной склонилось несколько человек, среди которых был дядя Веня, он покачал головой и скомандовал:

– Принесите еды, стол номер один. И трое суток на каран-

тин.

Когда меня перекладывали на кровать, я заметил, как бледный дядя Веня покачнулся в сторону, схватившись за руку охранника.

– Вениамин Романович! – выкрикнул стоящий рядом врач. – Вам пора под систему.

Дядя Веня кивнул и промокнул платком стекшую из носа кровь. Он посмотрел на меня и повторил приказ о еде и карантине, затем все вышли из камеры, оставив меня в какой-то оглушающей тишине.

Глава четвертая

Услышав шаги, я открыл глаза. К решетке моей камеры подвезли тележку с едой, повар наполнил тарелки из разных бидонов и поставил все в открытое окошко, ожидая, когда я заберу обед. Держась за спину и пошатываясь, я побрел к «кормушке», взял тарелки и понес к столу, если можно так назвать железную подставку, торчащую из стены. Повар захлопнул дверцу и удалился.

Вареный кусок говядины после пустых супов меня не особо обрадовал. Я думал о Лизе, как ее там кормят, не бьют ли, какие опыты проводят. Как же вырваться отсюда, что же придумать... Иначе мы загнемся от всех процедур и условий.

Сделав глоток кефира, я заметил крадущуюся тень вдоль решеток. Это был Иван, он остановился поодаль и стал смотреть на меня. Этот парень являлся единственной ниточкой, связывающей с внешним миром.

Превозмогая боль во всем теле, я поднялся и медленно приблизился к решетке, заговорив с Ваней на понятном ему языке. Язык жестов я выучил еще до детского дома, когда был совсем маленьким и жил с бабушкой, которая от слабого слуха и нечеткой речи общалась жестами. Мои мама и папа в этом плане были здоровы, но были больны зеленым змием и большой тягой к наркотическим средствам. В таких состояниях родители зачали меня и родили, а затем друг за другом

умерли от передоза. Бабушка, больная сахарным диабетом, долго тоже не протянула. Мне было тогда почти четыре года, в дом малютки я уже опоздал, поэтому меня повезли в детский дом.

Общение с Иваном в этот раз складывалось хорошо. Он спросил, где мои волосы и сказал, что ему меня очень жалко. В разговоре о Лизе я узнал, что ее содержат лучше меня, но она все время с хмурыми бровями, плохо ест и постоянно лежит, глядя в стену. Моя сестра показывала характер, я-то знал. Эта девчонка легко объявит бойкот всему миру и прибавит голодовку. Вот с кем я пошел бы в разведку. Еще я узнал, что в этих стенах делают страшные вещи, но какие – понять не успел, потому что Ваня вдруг спохватился и убежал по коридору за угол. Через некоторое время раздались шаги, и в мою камеру вошел врач с двумя охранниками. Медик любезно опросил меня о состоянии, снял несколько показаний и удалился. Так продолжалось три дня. Меня хорошо кормили, никуда не забирали и ничему не подвергали, видимо, это и был тот трехдневный карантин, о котором говорил дядя Веня.

После трех дней покоя за мной снова пришли. Меня осматривали в медицинском блоке, брали анализы, о чем-то шептались по моему поводу. Я стал догадываться, что медики от меня не в восторге, со мной постоянно было что-то не так, но на врачей давили сверху, требуя результат, который те и пытались выжать из меня.

Шли дни, меня продолжали испытывать на выживание, подвергая странным и тяжелым процедурам. Я даже не знал, что такое можно сотворить с организмом человека. Наверное, слово «испытание» здесь уместно применить от понятия «пытка» буквально.

Как-то мой путь проходил мимо стены, на которой висело зеркало. Я увидел напротив очень худого, изможденного парня без волос, с желтой кожей и впалыми как у мертвеца глазами. Он безразлично смотрел на меня, а я на него. Я бы не узнал себя, если бы охранник с сарказмом не намекнул на мой ступор перед зеркалом. Мой внешний вид приблизился к виду тех, кого я встречал за решетками. Надеюсь, с Лизой такого не происходит.

Однажды я очнулся от очередных процедур и, глядя на ржавый потолок, подумал, что не знаю какой сейчас месяц, осень еще или уже зима, что происходит в мире... Как все эти пытки переживает моя сестра? Я не видел ее, кажется, сто лет. Она такая мелкая, косточки тонкие, вся хрупкая, неужели у этих людей поднимутся руки, чтобы ее мучить. Но, несмотря на внешнюю слабость, у этой девчонки стальной характер, что может не понравиться властям этих стен. С самого нашего знакомства в детстве, мы с Лизой не расставались, и теперь без нее я чувствовал себя так, словно мне отрезали руку.

Из размышлений меня вырвал грохочущий звук замка на двери камеры. Вошел медик, за ним охранник. Теперь ко мне

не входила толпа здоровых мужиков в униформе, потому что для того, в кого я превратился, и одного было много. Врач заставил меня раздеться, осмотрел мою кожу и собрался что-то спросить, как вдруг где-то в конце коридора раздались крики с приказом для всех медиков срочно прибыть в лабораторию. Мои гости второпях выскочили, захлопнув дверь камеры, и умчались на крики.

Я долго смотрел на выход, потому что привык к звуку замка, когда его закрывают, а сейчас щелчок был другим. Мысли вихрем понеслись вперед, и я направился к двери. Оказавшись у решеток, поглядел по сторонам коридора и тихонько надавил на ручку. Сердце мое замерло, когда дверь поддалась и отворилась. Я стоял и смотрел на пространство без прутьев и не знал, что мне делать. Было страшно. Словно выдрессированное животное, у которого есть установка: за ограду выходить нельзя. Наконец, решившись, я осторожно выглянул из камеры и шагнул вперед.

Сначала я передвигался, прислушиваясь ко всем звукам, но скоро привык и пошел смелее. От глотка внезапной свободы мое сердце отбивало бешеный ритм, я не верил сам себе.

За углом моего коридора располагался ряд камер, а стена напротив была сплошная. В одной из камер лежал худой бледный мужчина, впрочем, как и все здесь, который оживился, увидев меня без сопровождения. Пытаясь подняться, незнакомец еле слышно спросил:

– Ты один?

Я кивнул, озираясь по сторонам, и приблизился к решетке. Мужчине наконец удалось подняться, он подошел ко мне и прошептал:

– Беги отсюда, парень. Беги из этого ада. За всех нас, за тех, кто отсюда никогда уже не выйдет.

– Вы давно здесь? Знаете, что это за место? – спросил я.

– Давно, – мой собеседник тяжело сглотнул и покачал головой, – раз в десять дольше, чем ты здесь. Я видел, когда тебя привели.

– Я попал сюда с сестрой, но они обманули нас...

– Вы ехали на работу, – с горечью констатировал мужчина.

– Да. Вас тоже обманули?

– Сюда иначе не заманишь.

– Чем тут занимаются? Вы что-нибудь знаете об этом?

Мужчина печально закивал.

– Здесь проводят страшные опыты над людьми. Есть группа больных во главе с Вениамином Романовичем, для них ищут лекарства. Моя Олюшка отдала им себя...

Я стоял шокированный этой информацией и смотрел, как мой бедный собеседник сползает к полу, сотрясаясь от беззвучного плача. Его тонкие, костлявые пальцы со сломанными ногтями съезжали вниз по прутьям решетки.

– Это ваша жена? – прошептал я. – Она тоже была здесь?

– Да, – еле слышно ответил мужчина, вытирая слезы дро-

жащей рукой. – Моя Олюшка... Нас привезли сюда вместе. На работу. Она оказалась слабее. Теперь я один...

– Простите, – мне стало неловко, – я не хотел причинять вам боль.

– Если можешь – беги. Здесь только могила. Вот в той стороне можно выбраться из нашего корпуса, а там как повезет.

Я направился дальше по коридору. Мне хотелось найти Лизу, но как это сделать, я не знал. Здесь столько корпусов, столько лестниц, кабинетов, разве реально что-то найти.

Пробираясь вдоль стен, я поглядывал наверх, боясь увидеть глазки видеокамер. Такое часто показывали в фильмах, и мне не хотелось, чтобы побег обнаружился.

Вдруг на мое плечо опустилась рука, заставив меня вздрогнуть. Я застыл на секунду и оглянулся, увидев Ивана, парень вопросительно смотрел на меня. Выдохнув, я развернулся, пытаясь улыбаться и делать вид, что все хорошо. Ваня спросил, куда я иду, я ответил, что не могу найти Лизу, и мой друг согласился отвести меня к ней. По дороге, задавая наводящие вопросы, я раскрывал все больше подробностей. Иван, хоть и страдал синдромом Дауна, но в некоторых сферах был неожиданно умен, объясняя все по-детски, но с большой точностью. Он поведал мне, что в этих стенах проводятся клинические исследования новых лекарственных препаратов, потому что, как я понял, делать это на платной основе на добровольцах затратно и долго. Еще здесь тестируют запрещенные виды лекарств, исследуя онкологи-

ческую и психиатрическую стороны. И, как я уже узнал, существует группа больных, но богатых людей, под руководством дяди Вени, которая ищет новейшие препараты, способные вылечить или продлить жизнь членам этой группы. Испытания запрещенные и секретные, и проводятся они на биологических моделях – людях. Иногда, если модель подходит, из нее делают какие-то вытяжки для поддержания состояния членов преступного союза. Я спросил у Вани, попадал ли он на такие процедуры, он ответил, что не подходит им, потому что его ген сломан, его уже проверяли в детстве.

«Проверяли в детстве»... Ивану на вид больше двадцати пяти, сколько же лет существует этот ад? Как много людей пострадали в этих стенах? И если они существуют до сих пор, значит, их еще никто не раскрывал.

Мы завернули в какой-то отсек, камеры здесь были чище и светлее, чем в моем корпусе, как если выйти из хозяйственной комнаты нашего детского дома и войти в комнату отдыха директора. Пропустив несколько дверей, мы подошли к решетке, за которой я увидел сестру. Иван указал на нее и отошел назад. Лиза лежала на кровати лицом к стене и ковыряла облупившуюся краску. Через мгновение она обернулась и, широко раскрыв глаза, бросилась ко мне.

Я плакал, обнимая хрупкое тело сестры через решетку. Мне захотелось оказаться сейчас очень далеко, неважно где, лишь бы не здесь. Вот исполнилось мое желание: я не в камере, нашел Лизу, а что дальше делать, ума не приложу. Каж-

дый шаг может стать ошибочным и даже последним.

Отстранив сестру от себя, я увидел ее серьезное лицо с печатью страданий и скрытого страха. Лиза протянула сквозь прутья тонкую руку и вытерла мои слезы с подбородка.

– Митя, где твои волосы?

Я постарался улыбнуться.

– Вырастут новые.

– Тебя отпустили? – Лиза тоже попыталась улыбнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.